

Владимир Порус*

ПЕРСПЕКТИВЫ «ПОЛИТИЧЕСКОЙ БИОЛОГИИ»**

ЕСТЬ ЛИ ОСНОВАНИЯ ДЛЯ ОСТОРОЖНОГО ОПТИМИЗМА?

DOI: 10.17323/2587-8719-2022-2-317-324.

Термин «политическая биология», распространенный в современной философской литературе (Meloni, 2014; 2016), все же может вызывать недоверчивую гримасу (наверное, скорее у биологов, чем у философов, более склонных к терминологическим кунштюкам). Слишком далеко разошлись в смысловом поле *биология* и *политика*, чтобы сближение или «скрещивание» этих понятий обещало какой-то очевидный результат. Но ведь возникновение терминов в науке часто имеет причудливый характер: метафорические смыслы, переплетаясь с привычными концептами, не всегда элиминируются в процессе выработки нового понятийного аппарата, а задерживаются в употреблении и, бывает, становятся привычными, перестают удивлять или вызывать отторжение и начинают применяться без опасения за строгость и точность рассуждений, если только не позволять метафорам преступать положенные им границы и замещать собою научные понятия.

«Политическая биология», на мой взгляд, относится к числу таких лингвистических изобретений. Оно привлекает внимание к тому известному в философии науки факту, что взаимная диффузия смыслов иногда создает «точки роста» понятий, укорененных в различных дисциплинарных почвах, но образующих узлы связи между ними. Они не могут быть редуцированы ни к одной из таких областей знания, но и не сплетают понятийную ткань, оторванную от обеих почв. Когда

*Порус Владимир Натанович, д. филос. н., профессор; исследователь, Межрегиональная общественная организация «Русское общество истории и философии науки» (Москва), vporus@rambler.ru, ORCID: 0000-0002-2958-2185.

**© Порус, В. Н. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ проект № 21-18-00428 «Политическая субъектность современной науки: междисциплинарный анализ на перекрестье философии науки и философии политики» в Русском обществе истории и философии науки.

возникают такие узлы, их дальнейшую судьбу предсказывать рискованно: они могут оказаться полезными и создать стимул для развития новой области знания, а могут и обнаружить свою пустоту и бесперспективность. Тогда их забывают, как курьезы или как отброшенные леса заново возводимого здания.

В статье В. А. Бажанова подчеркивается *эвристическая* ценность термина «политическая биология». Она — в том, что открывается возможность связывать политическую реальность с биологией человека и находить в этой связи возможности, не сводимые к интуитивным предположениям о том, что, с одной стороны, политическое (как и другого рода социальное) поведение людей до известной степени может быть объяснено биологическими детерминациями относительно индивидов и человеческих общностей (Thorson, 1970; Wade, 2014), а с другой стороны, сама биология человека, то есть ее внутренние характеристики (в том числе такие фундаментальные, как геном), подвержена влиянию со стороны изменчивой политической реальности (Building a New Bio-cultural Synthesis, 1998). Выходит ли эта ценность за рамки эвристики? Или назначение термина только лишь в том, чтобы возбудить исследовательский интерес к проблеме, а уж там, как говорится, видно будет, приведет ли это к чему-то эпистемологически значимому?

Имеет хождение гипотеза (см. библиографию к статье В. А. Бажанова), о том, что существует связь между геномом и эпигеномом (последний сравнивается с программой, возбуждающей или тормозящей те или иные функции генома, но не изменяющей при этом первичную структуру ДНК). Если гипотеза верна, то перед нами спектр проблем: какие именно генетически обусловленные функции могут подвергаться эпигеномным воздействиям, какова их степень и мера, есть ли возможность их регуляции и селекции, учета и предвидения их последствий для биологии и социально-культурного бытия человека и т. д. Как могут быть рассмотрены и решены такие проблемы?

Разумеется, исследование биологических особенностей человека не может быть успешным вне дисциплинарного контекста. Только биологам решать, как могут быть дифференцированы и поставлены в соответствие эпигеномным факторам составные элементы генома. Но сама эта задача не может быть сформулирована без предположения о наличии существенной взаимозависимости между геномом и эпигеномом. А ведь это предположение исходит не из глубины «геноцентрического» знания, а из предпосылки, что биологический организм всегда существует

в сложном взаимодействии со средой обитания и его функциональность обеспечивается не только «изнутри», но не в меньшей степени — «извне». И эта «внешняя» детерминация выводит исследование за рамки собственно биологии в сферу социальности и культуры.

Под углом зрения философии и методологии науки в этом нет ничего неожиданного. Идея социальной обусловленности процессов получения научного знания относится к числу таких, без которых современная философия науки просто невозможна, тем не менее в своих конкретных приложениях эта идея может вызвать настороженность специалистов-биологов. А ученых, привыкших рассматривать политические явления как нечто такое, что далеко отстоит от биологии, да и вообще от природного начала в человеке, могла бы возмутить и даже оскорбить. Политолог или философ, рассматривающий сферу политического через призму биологических наблюдений и теорий, мог бы выглядеть индоктринированным натуралистом, игнорирующим принципиальный водораздел между животным и человеческим бытием.

Когда раздаются возгласы, оповещающие о конце «геноцентризма» (Carey, 2012) и даже о наступлении «постгеномной эпохи» в исследованиях взаимодействий между биологией и комплексом социальных наук, то, прислушиваясь к ним, следует различать собственно научную составляющую подобных заявлений и философско-методологические констатации (возможно, слишком поспешные) намечившегося «слияния» или по меньшей мере интенсивного «взаимопроникновения» биологического и социально-научного знания.

С точки зрения биологии это указание на область проблем, которые возникают в связи с концептом «эпигенома» — теоретическим конструктом, обозначающим и определяющим объем «внешних» (в том числе социальных) факторов, воздействующих на работу генома так, что изменения его структуры наследуются при неизменности базовой структуры ДНК. Нельзя сказать, что проблемы такого рода впервые были обнаружены в последние десятилетия, когда заговорили о так называемой «эпигенетической революции» в биологии. То, что геном человека может претерпевать влияния окружающей среды, известно давно. Сам термин «эпигенетика» восходит к работам К. Уоддингтона (Waddington, 1939; 1942), в которых исследовались процессы воспроизводства адаптивных свойств организма в переменных условиях его существования. Новизна здесь лишь в том, что «эпигенетические факторы» предлагается рассматривать в их систематическом единстве как регулятивную

программу с заранее известными (наперед заданными) целями и предсказуемыми последствиями, когда геном остается неизменным, но его действие контролируется этой программой. Биологи должны определить, может ли такая гипотетическая программа работать без сбоев, вызываемых то ли резистентностью генома, то ли противоречивостью или хаотичностью эпигеномных факторов. Другими словами, речь идет о правомерности компьютерной аналогии, которую упоминает В. А. Бажанов. По-видимому, эта аналогия проблематична (хотя бы потому, что нет безусловных гарантий эффективности эпигеномной «программы», если вообще можно употреблять этот термин в данном случае).

Конечно, под вопросом оказывается и методологическая сторона дела, ведь в лучшем случае можно говорить о *намерениях* сблизить биологическую проблематику с науками об обществе, изучающими социально-культурные формы деятельности и поведения. Намерения выглядят многообещающими, но до их реализации, по-видимому, еще далеко. Так что сигналы о происходящей «эпигенетической революции», на мой взгляд, следует принимать *cum grano salis*.

Но, разумеется, суть не в аналогиях. Они могут быть более или менее удачными, но никогда не заменяют собой научные объяснения, а только предлагают пути исследования. Даже если компьютерная аналогия в рассматриваемом случае не вполне точна, это не снимает проблему: можно ли считать устойчивыми (поддающимися расчету) результаты планируемых воздействий на геном человека, призванных усилить его положительные реакции на влияние внешней среды или ослабить (редуцировать) отрицательные? Например, полезность и желательность воздействия медицинских препаратов, способных свести к минимуму или элиминировать некоторые вредные и опасные предрасположенности организма (к наркозависимости, или, скажем, к преждевременному старению, или к возникновению злокачественных образований), вряд ли кем-то стали бы подвергаться сомнению, если было бы доказано, что это воздействие действительно таково, как его представляют заинтересованные в увеличении прибыли фармакологические фирмы или исследовательские группы ученых. Вряд ли какие-то политические силы (в том числе и в первую очередь властные структуры) стали бы злонамеренно тормозить или запрещать широкое производство и применение таких препаратов или медицинских программ. Такая вероятность теоретически не равна нулю, но в нормальных условиях все-таки пренебрежительно мала. Напротив, естественное развитие событий несомненно привело бы к тому, что политические усилия направлялись бы на

преодоление различных экономических, идеологических или традиционных препятствий оптимальному развитию таких научных исследований, социальных технологий и практик. Другое дело, что при этом следовало бы стимулировать эффективность исследований, направленных на комплексное (долгосрочное) изучение возможных последствий подобного эпигеномного воздействия: не приведет ли оно к чему-то непредвиденному, представляющему опасность, идущую с той стороны, откуда ее не ждут? Геном человека — продукт длительного эволюционного развития человеческого вида, и вмешательство в его структуру может оказаться рискованным.

Особое место в ряду эпигеномных воздействий на геном занимают социокультурные факторы. Формирование таких воздействий, как бы это ни казалось странным, несравненно сложнее формирования технологических (скажем, фармакологических или биоинженерных): например, широкое внедрение препаратов, сводящих к минимуму предрасположенность людей к алкоголю и другим наркотикам, совершенно немыслимо без соответствующего изменения социокультурной среды — если этих изменений не будет, то такое внедрение без волюнтаристского принуждения просто не состоится. Люди воспротивятся ему, предпочтя традиционные формы потребления и ценностных ориентаций. Принуждение в таком случае неизбежно будет вызывать пассивное или активное сопротивление, а его последствия могут стать разрушительными не только для экономики, но для всего уклада жизни. Примером может служить печально известная кампания по ограничению производства и продажи алкогольной продукции в СССР, проводимая под лозунгами борьбы с алкоголизмом и его последствиями.

То же самое относится к мероприятиям, направленным на ограничение или сведение к нулю предрасположенности к агрессивной гиперсексуальности (педофилии, половому садизму или иным перверсиям). Без значительных трансформаций социокультурного контекста ни химико-фармакологические, ни политико-репрессивные воздействия на отдельных индивидов не приведут к «улучшению» генома как биологической наследственной памяти, а смогут лишь «загнать зверя в угол», откуда он будет отчаянно пытаться вырваться на свободу, что способно повлечь непредсказуемые последствия.

Именно в этом моменте и обнаруживается реальная связь биологических проблем с политическими. Она может быть представлена в двух важнейших модусах.

С одной стороны, политическая составляющая этой связи выражается в необходимости *оптимизации политического климата*, способствующего (а ни в коем случае не препятствующего) развитию тех областей научного знания, которые примыкают к биологии человека, со всеми их прикладными (медицинско-фармакологическими, биоинженерными, социально-демографическими, социально-психологическими и др.) ответвлениями. Это означает, помимо прочего, рациональную и сбалансированную научную политику, которая абсолютно невозможна без привлечения к ее формированию научных сообществ и коллективов, без опоры на развитие сети научных коммуникаций, без международного сотрудничества ученых. При этом следует считаться с опасностью такого *ухудшения* политического климата, при котором успехи биологических наук (не только фундаментальных, но и прикладных) могли бы использоваться в каких-либо антигуманных целях. Одним словом, реальность современного мира такова, что успешное развитие биологических наук непосредственно коррелирует с благоприятствующим политическим курсом. Впрочем, это, безусловно, касается не только биологии.

С другой стороны, политический климат во многом зависит от того, как далеко продвинута наука в исследованиях зависимостей политического поведения от биологических характеристик как отдельных субъектов, так и человеческих групп. В ситуациях, когда выбор политических решений, затрагивающих интересы не только отдельных стран, но и человечества как такового, зависит от психологических особенностей или предрасположенностей политических лидеров (особенно в тех случаях, когда эти особенности явно или имплицитно патологичны), диагнозы, поставленные учеными, могут и должны быть приняты во внимание политическими силами. Разумеется, для этого необходима устойчивая традиция участия ученых (конечно, не только биологов!) в политической жизни общества. Если такой традиции нет или она разрушена, последствия могут быть трагическими. А научные сообщества, не готовые поддерживать и отстаивать эти традиции, то есть отказавшиеся от своей роли в политической борьбе, рискуют не только своим статусом, но и, по сути, ставят под удар нормальное развитие всего общества.

Особого упоминания и внимания требует проблема политического обеспечения защитительных мер против причин и последствий экологического кризиса, могущих вызвать необратимые изменения генома человека. Сколь угодно решительные предупреждения ученых о такого рода угрозах самому существованию человечества могут остаться безрезультатными, если политическая конъюнктура (в том числе и даже в первую

очередь — в сфере международной политики) не окажется достаточно чуткой и последовательной по отношению к ним. А это возможно лишь в том случае, если противоречия между различными политическими силами отступят на задний план по отношению к общечеловеческим целям. В этом — один из главнейших вызовов, стоящих перед человечеством как таковым. Роль биологического знания или авторитета мирового научного сообщества здесь не может быть недооценена, но было бы наивностью ее переоценивать. В этом смысле «политическую биологию» сближают с «биологической политикой» (Олескин, 1995; 2001), хотя последний термин несет несколько иную смысловую нагрузку.

Упомяну еще о спектре этических и социальных (в том числе, демографических или социально-экономических) проблем, связанных со сферой современной «евгеники» — биоинженерии, сфокусированной на исследованиях возможных «переделок» генома человека. Здесь политический фон настолько важен, что не будет преувеличением сказать: биология человека в наше время с нарастающей скоростью попадает в зависимость от политических трансформаций. В какую сторону будет направлен этот процесс, сулит ли он радужные перспективы человечеству, овладевающему мощными биотехнологиями, или, напротив, знаменует собой падение в пропасть катастроф, это должно показать уже ближайшее будущее. На долгосрочные и негарантированные эксперименты в этом направлении у человечества может не хватить исторического времени.

ЛИТЕРАТУРА

- Олескин А. В.* Биополитика и ее приложимость к социальным технологиям // Вопросы философии. — 1995. — № 7. — С. 76–88.
- Олескин А. В.* Биополитика. Политический потенциал современной биологии : философские, политологические и практические аспекты. — М. : Институт философии РАН, 2001.
- Building a New Biocultural Synthesis : How Modern Biology is Rewriting Our Understanding of Genetics, Disease, and Inheritance / ed. by A. H. Goodman, T. L. Leatherman. — Ann Arbor : University of Michigan Press, 1998.
- Carey N.* The Epigenetical Revolution : How Modern Biology is Rewriting Our Understanding of Genetics, Disease, and Inheritance. — New York : Columbia University Press, 2012.
- Meloni M.* How Biology Became Social, and What It Means for Social Theory // Sociological Review. — 2014. — Vol. 62, no. 3. — P. 593–614.
- Meloni M.* Science and Social values in Human Heredity from Eugenics to Epigenetics. — London : Palgrave Macmillan, 2016.

- Thorson T. *Biopolitics*. — New York : Holt, Rinehart & Winston, 1970.
- Waddington C. H. *An Introduction to Modern Genetics*. — New York : Macmillan, 1939.
- Waddington C. H. *The Epigenotype // Endeavour*. — 1942. — Vol. 1. — P. 18–20.
- Wade N. *A Troublesome Inheritance : Genes, Race and Human History*. — New York : Penguin Books, 2014.

Porus, V. N. 2022. “Perspektivy ‘politicheskoy biologii’ [Prospects of ‘Political Biology’]: yest’ li osnovaniya dlya ostorozhnogo optimizma? [Whether There Are Reasons for Careful Optimism?]” [In Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 6 (2), 317–324.

VLADIMIR PORUS

DOCTOR OF LETTERS IN PHILOSOPHY, PROFESSOR, RESEARCHER
 RUSSIAN SOCIETY FOR THE HISTORY AND PHILOSOPHY OF SCIENCE (MOSCOW, RUSSIA);
 ORCID: 0000-0002-2958-2185

PROSPECTS OF “POLITICAL BIOLOGY”

WHETHER THERE ARE REASONS FOR CAREFUL OPTIMISM?

DOI: 10.17323/2587-8719-2022-2-317-324.

REFERENCES

- Carey, N. 2012. *The Epigenetical Revolution: How Modern Biology is Rewriting Our Understanding of Genetics, Disease, and Inheritance*. New York: Columbia University Press.
- Goodman, A. H., and Th. L. Leatherman, eds. 1998. *Building a New Biocultural Synthesis: How Modern Biology is Rewriting Our Understanding of Genetics, Disease, and Inheritance*. Ann Arbor: University of Michigan Press.
- Meloni, M. 2014. “How Biology Became Social, and What It Means for Social Theory.” *Sociological Review* 62 (3): 593–614.
- . 2016. *Science and Social values in Human Heredity from Eugenics to Epigenetics*. London: Palgrave Macmillan.
- Oleskin, A. V. 1995. “Biopolitika i yeye prilozhimost’ k sotsial’nym tekhnologiyam [Biopolitics and Its Applicability to Social Technologies]” [in Russian]. *Voprosy filosofii [Questions of Philosophy]*, no. 7: 76–88.
- . 2001. *Biopolitika. Politicheskii potentsial sovremennoy biologii [Biopolitics. The Political Potential of Modern Biology]: filosofskiye, politologicheskiye i prakticheskiye aspekty [Philosophical, Political and Practical Aspects]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Institut filosofii RAN.
- Thorson, T. 1970. *Biopolitics*. New York: Holt, Rinehart & Winston.
- Waddington, C. H. 1939. *An Introduction to Modern Genetics*. New York: Macmillan.
- . 1942. “The Epigenotype.” *Endeavour* 1:18–20.
- Wade, N. 2014. *A Troublesome Inheritance: Genes, Race and Human History*. New York: Penguin Books.